

Тетя предупреждала его.

Она сказала ему, что он - нечто особенное в мире волшебников, хотя они и не знали о его состоянии. Он не понимал всего этого. Что человек, волшебник, убивший его мать, был преступником самого худшего сорта, которого боялись все волшебники. Что Гарри каким-то образом причастен к его смерти и что все волшебники, похоже, знают его имя.

Что шрамы на его лице, о которых он слышал шёпотом, были признаком проклятия, шрамы, по которым его опознают все волшебники и ведьмы, знающие эту историю.

Об этом говорило и письмо, которое пришло к нему, когда его привели к Дурслям.

Временное решение было простым. Он не хотел, чтобы его узнали, когда он вместе с тётей впервые попадёт на волшебную торговую аллею. Ему нужна была только палочка и, возможно, несколько книг, которые тетя или Дадли могли бы переводить ему вслух.

Он обвязал глаза мягкой тканью, и тётя заверила его, что чёрная ткань закрывает все бледные, неровные следы и не выглядит ужасно.

Затем, решительно улыбнувшись, он приготовился войти туда, куда ни он, ни его тетя не могли заглянуть.

Она знала эту улицу; когда они подъехали, Гарри увидел магию, яркий свет, струящийся по широкому кругу.

Он повел их обоих на свет, и когда они оказались внутри, тетя вздохнула с облегчением.

При входе в переулок тётя описала кирпичную стену, преграждающую путь.

Гарри же увидел паутину, тонкую и аккуратную, с несколькими ключевыми узлами, которые удерживали узор.

Он коснулся этих узлов своим светом, и паутина превратилась в открытое пространство. Тетя задыхнулась от изумления, ее дрожащая рука крепко сжимала его руку.

Он улыбнулся.

В тот день Гарри подтвердил нечто новое, то, что изменило все.

Магия действительно была частью света, который он видел, яркого и сильного.

Он уже догадывался об этом, наблюдая за тем, как он манипулирует предметами с помощью своего света, наблюдая за Виолой в Лондоне. Но при первом же взгляде вокруг Протекающего котла и при первом же взгляде на Диагон-аллею - и то и другое ничуть не изменилось из-за синтетической ткани на глазах - его догадки подтвердились.

Магия текла внутри ведьм и волшебников более густыми потоками, чем у его тети. Магия освещала улицы в деталях, камни были живыми, а здания - настолько густым светом, что он впервые в жизни почувствовал себя одновременно и ослепленным, и способным видеть.

Это было слишком. И он не мог закрыть глаза, не мог посмотреть вниз или в сторону, чтобы отгородиться от этого зрелища. Его разум был в сознании и воспринимал происходящее, несмотря на то, чего желали его физические глаза.

Долгие минуты Гарри стоял, крепко сжимая руку тёти и держа в другой трость, пытаясь хоть как-то отфильтровать увиденное.

Это было похоже на то, как если бы он стоял в центре солнца, - все вокруг было таким живым, насыщенным цветом и бешеным движением.

А небо! Воздух над ним струился светом, вихрился, словно под чужим ветром, двигался под незнакомую музыку.

Магия была повсюду, во всем.

И Гарри Поттер мог видеть всё это.

Он отпустил руку тёти и начал идти.

Тетя сказала ему, что у него есть деньги в банке волшебников, что его отец богат и что в его роду деньги считают по-другому.

Банк гоблинов, с его оранжевыми существами и острым металлом, завораживал его. Волшебные деньги, сверкающие золотой магией, были тяжелыми в его руках.

У Поттеров деньги были, хотя ключ к ним был утерян. Получить замену было просто: капля крови, а значит, и жизнь, как доказательство того, кто он есть.

Тетя не любила гоблинов; Гарри подумал, что и он, наверное, не любил бы, если бы мог увидеть их ее глазами. Но их магия не знала уродства и сияла в отголоске драгоценных богатств, которые они охраняли.

И, получив деньги волшебника, Гарри приготовился найти себе палочку.

На Диагон-аллее было шумно, так много непонятных звуков, некоторые звуки были настолько чужими, что он мог только предположить, что они принадлежат существам, которых магглы не знали. Его постоянно окружали не только новые огни, но и запахи и звуки культуры, с которой он никогда раньше не сталкивался.

Это был хаос, и в нем было все, на что он надеялся.

По пути, когда тетя читала ему вывески магазинов, мимо которых они проходили, Гарри сделал две остановки.

Первая была в магазине одежды, где все материалы были натуральными: хлопок, поблескивающий коричневым светом, и множество оттенков животных, некоторых он не узнал.

Но сапоги в витрине светились оранжевым огнем.

Драконы.

Сердце его заколотилось от волнения, и хотя тетушка засомневалась в экстравагантной цене, его это не покорило.

Он вышел из магазина с огнем вокруг ног, оранжево-желтым сиянием, которое мог видеть только он, и плащом, накинутым на плечи, который струился серебряным светом, как луна.

Второй путь лежал в книжный магазин, где Гарри узнал, что магический род не использует шрифт Брайля или какую-либо подобную ему письменность. С помощью тети он купил три запасные книги, переплеты которых были отделаны кожей, а страницы светились магией, но слов, которые он мог бы прочесть, не было.

Это огорчало, разочаровывало и было ожидаемо. Если бы в его роду обучали слепых учеников, они бы не отказались от него, в конце концов.

Магазин палочек Олливандерса сиял, как солнце на аллее мелких звезд, и был так полон света, что он запнулся, войдя внутрь.

Но здесь пахло деревом и затхлыми коробками, водой, огнем и электрическим зарядом, который он мог принять только за магию, и этот запах побуждал его идти вперед, в тишину магазина и к возможностям, которые он таил в себе.

Волшебник, ожидавший их у прилавка, переливался радугой цветов, подобно тому, как, по его мнению, выглядит калейдоскоп для обычных глаз. И каждый из этих цветов, казалось, был связан с яркими огнями, наполнявшими магазин, с блеском леса, число которых не поддавалось подсчету, с волокнами целлюлозы и уже знакомым драконьим звоном, смешанным с новыми знаками, о которых он мог только догадываться.

Магия волшебника нахлынула на него волной, оценив его больше, чем рулетка, которая вихрем пронеслась по воздуху.

«Мистер Дурсли, говорите? Немного староват для студента Хогвартса... У вас знакомый вид. Смею предположить, что вы пытаетесь натянуть шерсть на мои глаза. Хе-хе...»

Старик захихикал с сухим юмором, одной рукой указывая на ткань, закрывающую лицо Гарри.

Гарри улыбнулся, но промолчал. Он услышал, как его тетя нервно шаркает позади него.

«Не так уж много слепых волшебников, знаешь ли. В сказках Джастин Храбрый был слепым волшебником, рыцарем, который сразил особенно неприятного грифона... В наше время среди моих знакомых было только двое. В волшебном народе такое случается нечасто. Неестественно...»

Старый волшебник снова замялся, и Гарри лишь кивнул.

Мужчина хмыкнул.

«Обычно я не могу заставить клиентов молчать о себе. Вы странный, и я не имею в виду эти глаза. Сейчас.»

Мужчина отошел.

«У вас есть выбор, мистер Дурсли».

Гарри ждал, жадно наблюдая за тем, как магия мужчины, казалось, расщепляется и закручивается сразу в нескольких направлениях.

<http://tl.rulate.ru/book/120146/4958174>